DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04

"ПОЛИТИЧЕСКИЙ АТЛАС СОВРЕМЕННОСТИ" REVISITED

А.Ю. Мельвиль, М.Г. Миронюк

МЕЛЬВИЛЬ Андрей Юрьевич, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель и декан факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: amelville@hse.ru; **МИРОНЮК Михаил Григорьевич,** кандидат политических наук, доцент, первый зам. декана, факультет социальных наук, Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики", Москва, email: mmironyuk@hse.ru

Мельвиль А.Ю., Миронюк М.Г. "Политический атлас современности" revisited. – Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 41-61. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04

Статья поступила в редакцию: 15.08.2020. Принята к публикации: 03.09.2020

Аннотация. В статье представлены результаты развития проекта "Политический атлас современности" ("Атлас 1.0"), осуществленного более 10 лет на базе МГИМО-Университета МИД России при поддержке Института общественного проектирования и журнала "Эксперт". В оригинальном проекте были предложены пять комплексных индексов – государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни и институциональных основ демократии. Методом дискриминантного анализа по индексам были рассчитаны рейтинги 191 государства-члена ООН (а также Тайваня) по состоянию на 2005 г. Полученные результаты, отражающие различные аспекты существования современных государств, были "свернуты" в четыре главные компоненты, в совокупности представляющие собой аналитическую модель мировой структуры. В проекте, реализованном на базе НИУ ВШЭ при поддержке гранта РНФ спустя свыше десяти лет ("Атлас 2.0"), полученные ранее результаты были проверены на устойчивость, были сделаны поправки на появление новых государств-членов ООН, уточнены компоненты индексов, использованы новые базы статистических данных и применены уточненные методы многомерного статистического анализа, что в совокупности позволило сделать ряд содержательных заключений о динамике мировой структуры. Проделанное исследование выполнено в традиции "Revisited" в современных социальных науках. Полученные результаты (прежде всего в конфигурации главных компонент) свидетельствуют о значительной стабильности базовых параметров мировой структуры, но в то же время выявляются и важные элементы динамики.

Ключевые слова: государство, мировая политика, факторный анализ, многомерный статистический анализ, индекс, рейтинг, главные компоненты.

Введение

Как устроен современный мир? Какова структура мировой политики? Как связаны между собой базовые "ячейки" мирового порядка – суверенные государства? Где в настоящее время находятся центры мировой мощи и влияния и какова их динамика? Какие инструменты качественного и количественного анализа могут использоваться для понимания изменяющейся мировой структуры? Эти фундаментальные и постоянно дискутируемые вопросы более десяти лет назад оказались в центре масштабного исследовательского проекта "Политический атлас современности" (условно – "Атлас 1.0"), осуществленного на базе МГИМО-Университета МИД России при поддержке Института

общественного проектирования и журнала "Эксперт". В одноименной книге был представлен опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств [Политический атлас современности... 2007; Political Atlas of the Modern World... 2011][1]. На момент начала проекта (в 2005 г.) в мире насчитывалось 191 государство-член ООН, которые и стали основными объектами анализа.

В ходе реализации этого проекта были разработаны пять оригинальных комплексных индексов, характеризующих по разным параметрам позиции государств в мировой структуре (индексы государственности, внешних и внутренних угроз, потенциала международного влияния, качества жизни и институциональных основ демократии). Для расчета рейтингов стран по этим индексам были созданы статистические базы данных, которые подверглись обработке с помощью дискриминантного, факторного (метод главных компонент) и кластерного анализа. Помимо построения рейтингов стран по пяти индексам были выявлены четыре главные компоненты (ГК), являющиеся результатами свертывания разнородной информации, характеризующей страны по пяти комплексным индексам. Эти ГК представляют собой различные измерения взаимосвязей между отдельными государствами в мировой структуре – своего рода модель проекций мировой реальности.

ГК-1 отражает оппозицию внешних и внутренних угроз и качества жизни (55% объяснения дисперсии всех данных по выборке из 192 стран[2]). ГК-2 противопоставляет государственность и институциональные основы демократии – 26% объяснения по всем странам. ГК-3 – отражает дилеммы государственности и качества жизни (11%). И наконец, ГК-4 отражает потенциал международного влияния (7%), выделяя узкий "клуб" государств, обладающих реальной мощью для воздействия на мировую политику ("противополюса" в данном случае нет).

В результате мы получили аналитическую модель мировой структуры, в которой практически более половины государств современного мира вынуждены противостоять широкому спектру внешних и внутренних угроз, во многом жертвуя при этом качеством жизни своих граждан ради собственного выживания. В этой же модели, как минимум, четверть государств выбирают либо крепкую суверенную государственность, либо приоритет демократического развития. Каждое десятое государство решает, что для него является приоритетом – государственность или качество жизни своих граждан. Наконец, совсем немногие государства способны реально влиять на ход мировых дел, все остальные, по большому счету, лишь объекты внешних воздействий. Таковы были наши основные выводы более десяти лет назад.

Несколько лет назад мы решили проверить полученные ранее результаты, в том числе с учетом динамики исследуемых мировых структур, уточняя компоненты индексов, при необходимости (в том числе по причине доступности более надежных данных) используя новые базы статистических данных и уточненные методы многомерного статистического анализа. Напомним, что наша первая

[1] Среди членов авторского коллектива – А. Мельвиль (руководитель), М. Ильин, Ю. Полунин, Е. Мелешкина, М. Миронюк, И. Тимофеев, Я. Ваславский. См. также [Мельвиль 2006; Мельвиль и др. 2006; Мельвиль и др. 2008; Миронюк, Тимофеев, Ваславский 2006]. Другим направлением проекта была подготовка четырехтомного энциклопедического справочника "Политические системы современных государств" (2009-2014), в работе над которым принимали участие студенты, аспиранты, сотрудники МГИМО-Университета, институтов РАН, МИД России и др.

[2] В "Атласе 1.0" в число изучаемых стран был включен Тайвань – крупнейшее непризнанное или частично признанное государство.

модель (“Атлас 1.0”) с использованием данных пяти оригинальных индексов дала своего рода “моментальный слепок” сложной картины взаимосвязей и иерархий современных государств по ситуации на 2005 г. В новом проекте, условно, “Атлас 2.0”, реализуемом в НИУ ВШЭ при поддержке гранта РНФ (2017-2019 гг.)[3], мы стремились продолжать и развивать наши прежние наработки с учетом происходящих существенных изменений в современном миропорядке, в самих государствах и их группах, а также – концептуальных и методологических новаций, исчезновения старых и появления новых баз данных и пр. Такая операция “*Revisited*” применяется в масштабных межстрановых сравнительных проектах[4], она позволяет выявить динамику исследуемых феноменов, протестировать на определенном временном интервале полученные ранее выводы и переосмыслить привычные концепции и теории. Наш новый временной горизонт охватывает двадцать лет и включает три опорные точки: 1995–2005–2015. В этом и состоит наша основная исследовательская задача на данный момент[5].

На этом пути мы сталкиваемся с серьезными *концептуальными*, *методологическими* и *эмпирическими* проблемами. С концептуальной точки зрения нам было необходимо, прежде всего, проверить обоснования и компоновку переменных всех наших пяти индексов и – в случае необходимости – осуществить их коррекцию. В методологическом плане нам требовалось проверить валидность полученных результатов, используя в том числе иные, альтернативные методы и аналитические подходы. В частности, мы заменили дискриминантный анализ с “обучающими выборками” – из-за проблематичности его применения при анализе не “моментального слепка” мировой реальности (как мы поступили в проекте “Атлас 1.0”), а временных рядов, – на варианты факторного анализа.

Наконец, в эмпирическом отношении ключевая проблема, как всегда, связана была с дефицитом адекватной и своевременной информации по избранным показателям. Во-первых, наблюдается запаздывание в заполнении данных в официальных и/или общепринятых базах и источниках. Во-вторых, достаточно часто эти данные пересчитываются “назад” (так, например, поступают Всемирный банк и разработчики Индекса развития человеческого потенциала ПРООН), что не может не создавать вполне понятные проблемы для уже проведенного анализа. В-третьих, некоторые использовавшиеся ра-

[3] Грант РНФ на выполнение проекта № 17-18-01651 “Новые подходы к анализу могущества и влияния современных государств в условиях меняющегося мирового порядка”. Среди участников (на разных этапах) – А. Мельвиль (руководитель), Ф. Алескеров, А. Ахременко, М. Миронюк, М. Ильин, И. Локшин, С. Швыдун, В. Якуба, А. Мячин, Ю. Полунин, а также студенты и аспиранты (И. Горельский, К. Толокнев, А. Мальцев, С. Жеглов, В. Бабаян, И. Гавриленкова, Н. Мещерякова, В. Беленков и др.). См. также основные опубликованные работы по проекту РНФ (за пределами сетевой проблематики): [Мельвиль 2018; Миронюк, Толокнев, Мальцев 2018; Ахременко, Горельский, Мельвиль 2019а, 2019б; Ахременко, Миронюк 2019; Ахременко, Мячин 2019; Горельский, Миронюк 2019; Жеглов, Полунин 2019; Melville 2019; Melville, Akhremenko, Mironyuk 2019].

[4] Едва ли не классический пример – исследования политической культуры (и ее связи с демократией и политической стабильностью) Габриэля Алмонда и Сиднея Вербы. В 1963 г. они опубликовали книгу “Гражданская культура” [Almond, Verba1963]. Спустя почти 20 лет была выпущена книга “Гражданская культура: пересмотр концепции” [The Civic Culture Revisited... 1980]. Один из выводов создателей концепции состоял в том, что политические культуры США, Великобритании, Италии, Германии и Мексики за период между изданием двух этих книг претерпели значительные изменения (прежде всего – в США, Великобритании и Германии). Появилось и уточнение Алмонда о политической культуре как “пластичной многомерной переменной”.

[5] Особая благодарность А.С. Ахременко, который взял на себя труд всех статистических расчетов, использованных в этой статье.

нее статистические параметры более не используются, и это требует поиска и применения альтернативных показателей.

Кроме того, методологической новацией стало использование *методов сетевого анализа*, разработанных Ф.Т. Алескеровым и примененных в "Атласе 2.0" для оценки отдельных аспектов взаимодействия и взаимозависимости государств[6]. Это – самостоятельное направление проекта, которое ждет содержательного политологического осмысления.

Какие же концептуальные и методологические новации были осуществлены в нашем проекте "*Revisited*"? Каковы полученные предварительные результаты? Каковы дальнейшие перспективы нашего исследования?

НОВЫЕ ПОДХОДЫ К КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНДЕКСОВ СТРАН

С концептуальной точки зрения нам предстояла, прежде всего, верификация на новом материале общих содержательных оснований проекта "Атлас" и, в частности, отдельных компонентов индексов, используемых для моделирования структуры современной мировой политики. При этом в отношении ключевых переменных и используемых индикаторов в наших пяти индексах мы должны были осуществить целый ряд *концептуальных модификаций*, о которых и пойдет ниже речь.

В первую очередь эти модификации обусловлены нашим новым исследовательским фокусом на временные ряды (1995-2005-2015 гг.) для выявления элементов преемственности и динамики в позициях всех стран выборки (по ситуации на 2015 г. – 193 государства-члена ООН) по пяти рассматриваемым измерениям/индексам. В некоторых случаях концептуальные коррективы, вносимые нами в индексы, были связаны с переосмыслением и расширением их содержания в соответствии с новыми данными и исследованиями, в других – исключались дублирующие и/или теряющие свою релевантность переменные. Наконец, мы также добавляли некоторые новые индикаторы, отражающие новые и важные мировые тренды. Веса переменных в каждом из пяти индексов определяются по результатам факторного анализа.

Рассмотрим подробнее предложенные нами содержательные новации по всем пяти индексам.

1. *Индекс государственности*

Этот базовый для обоих наших проектов индекс призван оценить наличие или отсутствие у государства ресурсов для выполнения суверенных прерогатив, для самостоятельного развития. Индекс подчеркивает приоритеты успешности, управляемости и эффективности суверенных государств, которые в иных аспектах, – таких как потенциал демократического развития, качество жизни, тяжесть внешних и внутренних угроз, международное влияние, – образуют различные сочетания национальных качеств. Государственность в на-

[6] Важный раздел проекта РНФ связан с анализом сетевых аспектов изучаемой нами мировой структуры. Это отдельное направление, отражающее инновационные подходы к сетевому анализу, разработанные Ф. Алескеровым и его коллегами. В частности, была завершена разработка обобщающей теоретической модели, раскрывающей механизмы влияния государств в сетевых взаимодействиях (в том числе конфликтных). Методы сетевого анализа были применены для анализа межгосударственных конфликтов, рынка вооружений, экспортно-импортных операций, миграционных взаимодействий, взаимодействий террористических групп и др. с публикацией соответствующих результатов. См. их некоторые публикации по проекту: [Aleskerov, Shvydun 2019; Aleskerov et al. 2020; Shvydun 2020].

шем понимании – это не столько "сила" или "размер", сколько "качество". При этом страны с высоким уровнем государственности могут очень сильно различаться по своим режимным характеристикам и качеству жизни своих граждан. Они оказываются вынужденными противостоять и по-разному отвечать на различные сочетания внешних и внутренних угроз и обладают принципиально разными возможностями международного влияния, причем как на глобальном, так и на региональном уровнях. В то же самое время страны с более низкими уровнями суверенной государственности могут обладать весьма различными режимными характеристиками и качеством жизни. Крайним (предельным) случаем оказываются так называемые "несостоятельные государства", обладающие минимальной государственностью, слабо контролирующие собственную территорию, неспособные разрешать в рамках существующих институтов внутренние конфликты и находящиеся в состоянии, близком к распаду (или уже пребывающие в этом состоянии).

Приступая к проекту "Атлас 2.0", мы должны были, с концептуальной точки зрения, учесть также идущие в современной литературе интенсивные дискуссии о проблеме "государственной состоятельности" (*state capacity*), и прежде всего о качестве отражающих (и/или определяющих) ее государственных институтов. В содержательном и операциональном плане речь идет о вариантах включения в концепт государственности также параметров, отражающих не только различные "суверенные" характеристики, но и качество институтов государственного управления (которое, конечно, зависит от многих факторов, отличных от даже широко трактуемой "суверенности" и эффективной "самостоятельности").

В ходе работы над проектом по этому направлению мы, в частности, осуществили теоретико-методологическую проработку и эксперимент с разработанным нами новым индексом государственной состоятельности [Ахременко, Горельский, Мельвиль 2019а; 2019б] и получили нетривиальные результаты, в свою очередь нуждающиеся в дальнейшем исследовании. Тем не менее, значительная корреляция показателей государственной состоятельности и иных переменных, в том числе относящихся к политическим характеристикам государства, заставила нас вернуться к изначальной (как в "Атласе 1.0") компоновке индекса государственности (т.е. с упором на суверенность, в том числе на экономическую самостоятельность и "веберианский" контроль над силовым принуждением на своей территории) (см. табл. 1).

Мы все же внесли одну коррективу в исходный индекс государственности – исключили переменную "отношение заявок на патенты резидентов и нерезидентов", которая была призвана, согласно логике 10-летней давности, характеризовать способность обеспечивать "технологический суверенитет", и перенесли ее в модифицированном виде в индекс потенциала международного влияния. Наш аргумент заключается в том, что данный параметр отражает, скорее, "нематериальный" актив международной привлекательности государства, т.е. аспект его мягкой (или "умной") силы, а не прямое измерение суверенной государственности. Единицы измерения, шкалы и базовые источники "Атласа 1.0" мы сохранили[7]. Значения индекса рассчитываются здесь, как

[7] Основные и дополнительные источники включают: Всемирный банк ("*World Development Indicators*"), МВФ, "Барометр конфликтов" Гейдельбергского института изучения международных конфликтов, материалы Стокгольмского международного института исследований проблем мира, а также сообщения информационных агентств, ежегодники "Военный баланс" ("*Military Balance*") Международного института стратегических исследований, национальные переписи, оценки ежегодников "*World Factbook*", база данных "*Ethnic Power Relations*" и др.

и во всех других случаях, по доступным эмпирическим данным (в отдельных случаях – по экспертным оценкам). Позиции стран во всех наших рейтингах нормированы в диапазоне от 0 до 10[8].

Таблица 1 (Table 1)

Индекс государственности (переменные)

Stateness Index (variables)

1. Время существования суверенной государственности	4. Территориальное выражение внутренних конфликтов	7. Режим привязки национальной валюты
2. Внутренние конфликты: наличие и масштабы жертв	5. Доля внешней помощи в ВНД государства	8. Наличие на территории страны иностранных военных контингентов
3. Влияние внутренних конфликтов на стабильность режима	6. Внешняя долговая зависимость	9. Доля доминирующего этноса в структуре населения страны

Результаты проекта "*Revisited*" (в том числе с учетом ряда изменений в методиках расчета, о чем мы будем говорить ниже) по индексу государственности выявляют несколько важных тенденций на временных рядах 1995-2005-2015 гг. Во-первых, мы обнаруживаем страны с примечательной *преемственностью* показателей индекса по всем рассматриваемым временным точкам – как в отношении группы лидеров, так и стран-"неудачников". Среди примеров устойчивой высокой государственности (по рейтингам 1995-2005-2015 гг.): Швеция (10.0–10.0–8,9), Швейцария (9,3–9,3–8,5), Новая Зеландия (9,4–9,2–8,7), Япония (9,2–9,2–9,2), Австралия (9,4–8,4–9,4), Норвегия (8,8–9,2–9,2), Дания (8,3–8,3–8,3), Австрия (8,2–8,2–7,1), Ирландия (7,9–7,9–7,9), Финляндия (7,9–7,9–7,9), США (7,9–9,3–7,3), Великобритания (7,3–8,0–7,3) и др. Замыкают рейтинги 1995-2005-2015 гг. Афганистан (2,8–0,8–2,0), Чад (1,2–1,3, но 3,1 в 2015 г.), ЦАР (1,4–0,9–1,2).

Во-вторых, примечательны примеры как *восходящей*, так и *нисходящей динамики* некоторых стран по индексу государственности, связанные либо с драматическими событиями (внутренними вооруженными конфликтами, интервенциями и др.), либо с изменением стратегии собственного развития. В качестве примера можно привести Йемен, фактически распавшийся к 2015 г. (3,4–6,9–1,1) или Сирию, оказавшуюся к этому периоду в состоянии гражданской войны и ставшую объектом вмешательства ряда иностранных государств (5,5–5,9–1,5). Не менее показательна нисходящая динамика государственности Ливии (8,1–7,5–3,0) или Украины (4,2–4,9–2,5), объясняемая как внутренними, так и внешними воздействиями.

Напротив, *некоторый подъем рейтинга России* с 1995 по 2015 гг. (5,6–7,0–7,2) может отражать произошедшую на рубеже веков смену политического и государственного курса (о других последствиях этих перемен речь пойдет ниже).

В-третьих, относительно высокие уровни государственности, как подтверждают наши данные, демонстрируют не только развитые западные демократии, но и *некоторые авторитарные режимы*: например, Китай (7,5–7,5–7,1), Иран (6,7–6,8–6,6), КНДР (7,1–6,5–6,5), Куба (6,8–6,6–6,9), Туркменистан (7,3–7,1–7,6), ОАЭ (6,7–6,7–6,7) и др. В то же время страны с устойчивыми демократическими системами или же избравшие *демократический вектор раз-*

[8] Расчеты значений всех пяти индексов по собранным базам данных (1995-2005-2015 гг.) были произведены А.С. Ахременко.

вития в силу ряда исторических, социально-политических и иных причин могут и *не обладать достаточно высокой (крепкой) государственностью*: Индия (6,2–5,2–5,0), Молдова (5,6–4,0–4,1), Грузия (3,6–3,5–3,9), Босния и Герцеговина (0,7–3,4–3,2), Латвия (5,3–4,5–4,1), Эстония (5,0–4,2–3,9). Этот вывод на новом материале и в динамике подтверждает некоторые важные результаты нашего первого проекта, в том числе вариативность сочетания демократических институтов с иными характеристиками современных государств, включая их государственность, качество жизни, международное влияние и др.

Еще одно заключение, которое можно сделать на основании анализа "разбросов", демонстрируемых показателями государственности разных стран мира на протяжении двух десятилетий, сводится к тому, что на положение государств в мировой системе влияют разные сочетания факторов: унаследованные традиции и обстоятельства, характер их окружения, особенности собственного развития, избираемые стратегии развития, ресурсная база и др. В ряду таких важных факторов отметим степень и характер внешних и внутренних угроз, на которые любое государство обречено так или иначе реагировать.

2. *Индекс внешних и внутренних угроз*

С помощью этого индекса мы измеряем комплексные угрозы и риски, с которыми сталкиваются или потенциально могут столкнуться государства современного мира. Государства по определению должны выполнять свою главную функцию – обеспечивать собственную безопасность и безопасность своих граждан. Конечно, для каждого отдельного государства эти вызовы и угрозы – внешние и внутренние – специфичны и по характеру, и по интенсивности, и по доступным ресурсам, необходимым для ответа и противодействия, и все государства реагируют на них по-разному. При этом со временем, по мере исторического расширения функций государства, сам спектр угроз расширяется и включает все новые измерения. Кроме того, процессы глобализации расширяют пространства рисков и вызовов за пределы национальных границ, и угрозы могут приобретать глобальный характер.

Основные существующие или вновь возникающие угрозы безопасности характеризуются устойчивостью и воспроизводимостью, составляя *долгосрочный контекст* существования того или иного государства. Появляются и *угрозы – "черные лебеди"*, которые очень сложно прогнозировать, – теракты в США 11 сентября 2001 г. или пандемия COVID-19 в 2020 г. весьма показательны в этом отношении.

В новом проекте мы исходим из разработанной в "Атласе 1.0" типологии внешних и внутренних угроз, включающей четыре группы: (1) угрозы территориальной целостности и политическому порядку; (2) экономические угрозы; (3) угрозы, имеющие природное происхождение, и (4) угрозы безопасности человека. Вместе с тем в концептуальном отношении мы вносим в этот индекс определенные модификации.

Во-первых, мы исключаем ряд параметров: в их числе (а) эпидемия ВИЧ/СПИД; (б) избыточная миграция (по оценке правительства), (в) сокращение численности населения; (г) хроническое отрицательное сальдо текущего платежного баланса; (д) зависимость от импорта энергоносителей; (е) наличие угрозы вооруженной агрессии (по оценке правительства). Мы по-прежнему считаем, что все указанные вызовы и угрозы реальны в том смысле, что отсутствие ответов на них со стороны государств могут вести к гибели людей и материальному ущербу, в том числе значительному. Однако анализ динами-

ки относительной значимости этих угроз привел к решению об исключении данных параметров из индекса.

Во-вторых, добавление нового показателя – наличие крупного внутреннего вооруженного конфликта – имело целью зафиксировать объективную угрозу, имеющую универсальное (жертвы и разрушения в ходе боевых действий), а не сконструированное (в партикулярных интересах) выражение.

В итоге уточненный индекс внешних и внутренних угроз включает в себя следующие параметры (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Индекс внешних и внутренних угроз (переменные)

External and Internal Threats Index (variables)

1. Наличие территориальных претензий со стороны иностранных государств	6. Наличие крупного внутреннего вооруженного конфликта
2. Наличие угрозы терроризма	7. Несбалансированный экспорт – преобладание одного-двух товаров в структуре экспорта (50% и более)
3. Присутствие на территории страны нелегальных сепаратистских и/или антиправительственных движений	8. Размещение страны в зоне повышенной опасности стихийных бедствий
4. Наличие в стране легальных сецессионистских движений	9. Проблемы со снабжением населения питьевой водой
5. Попытки неконституционной смены власти или государственных переворотов	10. Проблемы недоедания или голода (недостаток рациона питания по нормам FAO)

Мы в целом сохранили использованные в "Атласе 1.0" источники информации, но использовали и дополнительные[9]. Рейтинги стран, построенные на основе индекса внешних и внутренних угроз за 1995-2005-2015 гг., выявляют достаточно *четкие тренды*. Позиции стран в рейтингах расположены в диапазоне от 0 (минимальные угрозы) до 10 (максимальные угрозы). Государства, живущие в условиях наибольших угроз для своего существования, достаточно хорошо известны. По данным нашего индекса это (по трем рассматриваемым временным точкам), как правило, *уязвимые слаборазвитые страны* с низкими уровнями государственности, существующие в постоянном стрессе и в окружении очень серьезных угроз: Афганистан (8,6–9,6–9,5), Судан (8,3–9,5–9,2), Бурунди (8,1–8,1–6,7), Демократическая Республика Конго (6,6–6,8–10), Сомали (7,3–6,7–9,3) и др.

Как видно, в отношении этих стран уровни внешних и внутренних угроз на протяжении двух рассматриваемых десятилетий колеблются не слишком значительно. Это же заметно и применительно к *наиболее "безопасным" странам* по трем временным точкам: Финляндия (0–0–0), Люксембург (0–0–0), Швеция (0–0–0), Швейцария (0–0–0), – и многим другим западным демократиям. Хотя встречаются и относительно *"безопасные" автократии* – Иордания (0–0–0), Казахстан (2,2–3,1–2,2), Сингапур (2,2–1,3–1,3) и др.

Для *России* уровень угроз оставался достаточно высоким: 7,8 в 1995 г., 8,0 в 2005 г., но несколько *снизился* за последние годы до 5,0. В США был

[9] Наши источники включают: ежегодники "*World Factbook*", "*Global Terrorism Database*", "Барометр конфликтов" Гейдельбергского института изучения международных конфликтов, проект "*Minorities at Risk Project*", данные "*Center for Systemic Peace*", справки по странам из "*Polyarchy Dataset*", данные "*UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset*", Всемирного банка, ФАО, "*The Observatory of Economic Complexity*", "*Human Development Data*", "*International Trade Centre*", "*World Risk Index*" и др.

заметен подъем угроз, очевидно связанный с международным терроризмом, но в целом ситуация с безопасностью далека от напряженной (1,8–4,9–1,8).

3. *Индекс потенциала международного влияния*

Данный индекс, как и в "Атласе 1.0", призван оценить средства, которыми располагают государства, и ресурсы их влияния (экономические, военные, институциональные и др.) на другие государства, на мировую политику и мировую экономику. Государства могут воспользоваться имеющимися инструментами влияния, отражающими их экономический потенциал, участие в международных структурах, военно-силовой потенциал, "человеческий потенциал", но без гарантий достижения успеха [Мельвиль 2018].

Индекс международного влияния в "Атласе 2.0" включает 15 компонентов с целым рядом модификаций (по сравнению с "Атласом 1.0"). В частности, мы отказались от бинарных переменных (да/нет, есть/нет) при оценке ресурсов влияния, уточнили или изменили расчет ряда параметров, внесли параметры, отражающие способность стран к инновационному развитию, в том числе "Число заявок на патенты от нерезидентов" (для характеристики привлекательности патентной системы страны), "Доля в мировых расходах на научно-исследовательские и конструкторские разработки" и "Число университетов в топ-500 Шанхайского рейтинга" (данные доступны для 2005 и 2015 гг.), интегрировали блок "сырых ресурсов". Рейтинг по этому индексу рассчитывается для стран – членов ООН по состоянию на 1995, 2005 и 2015 гг. В индекс включены параметры, относящиеся к пяти категориям: (1) экономическая мощь; (2) военная мощь; (3) институциональная мощь и влияние (т.е. позиции в международных организациях и институтах); (4) мягкая сила и (5) "сырые ресурсы" (территория, население, запасы нефти и газа)[10] (см. табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

Индекс потенциала международного влияния (переменные)

Index of Potential of International Influence (variables)

1. Доля в мировом ВВП	6. Ядерное оружие и современные средства доставки	11. Число заявок на патенты от нерезидентов
2. Доля в мировом экспорте товаров и услуг	7. Многоцелевые и ударные самолеты (доля от мирового парка)	12. Число университетов в топ-500 Шанхайского рейтинга (2005 и 2015 гг.)
3. Доля в мировых расходах на научно-исследовательские и конструкторские разработки	8. Продолжительность членства в СБ ООН	13. Доля территории страны от мировой
4. Доля в мировых военных расходах	9. Доля голосов при принятии коллективных решений в Международном валютном фонде	14. Доля в мировой численности населения
5. Доля вооруженных сил страны в суммарной численности вооруженных сил всех стран мира	10. Лауреаты нобелевских премий	15. Доля в мировых запасах нефти и газа

[10] Среди наших источников: данные Всемирного банка и МВФ, ежегодники "Военный баланс" Международного института стратегических исследований, базы данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира, база данных "Международная энергетическая статистика", публикуемая Агентством энергетической информации США, данные Всемирной организации интеллектуальной собственности и др.

Насколько неравномерным является распределение потенциалов международного влияния (или, если угодно, мощи) в последние четверть века? Есть ли здесь значимые перемены?

И в "Атласе 1.0", и в "Атласе 2.0" *лидер с огромным отрывом* от всех остальных очевиден – США, но ниже первого места наблюдается *примечательная динамика*. В 1995 г. в первую десятку (после США) входили в порядке убывания показателя рейтинга Япония (с почти трехкратным отставанием от лидера), Германия, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Канада, Индия и Италия. В 2005 г. Японию "потеснил" Китай (с более чем трехкратным отставанием от лидера), на четвертом месте снова оказалась Германия, далее Россия, Великобритания, Канада, Франция, Индия. А вот в 2015 г. за США продолжают следовать (с сокращающимся разрывом) Китай, затем Россия, Япония, Германия, Индия, Великобритания, Канада и Франция. Все остальные страны располагаются за этими лидерами международного влияния с огромным отрывом.

Сравнительные данные по *группе лидеров* (по данным рейтингов 1995-2005-2015 гг.) таковы: США (9,8 – 10 – 9,6), Китай (3,0 – 3,8 – 5,4). Россия (3,5 – 3,2 – 3,1), Великобритания (2,7 – 2,6 – 2,3), Индия (1,6 – 1,9 – 2,3), Франция (2,6 – 2,3 – 2,0), Германия (2,3 – 2,0 – 1,8), Япония (2,6 – 2,0 – 1,6).

Примечательна объективно снижающаяся, хотя и очень плавно, динамика ресурсов международного влияния *России*. Парадоксально, что это происходит при *очевидном росте российского фактического воздействия на международную обстановк*у, прежде всего, как результат напористой внешней политики и интенсивного военного строительства (см. [Melville, Akhremenko, Mironyuk 2019]). Для объяснения этого кажущегося парадокса необходимо отметить, что уменьшение доступных России ресурсов влияния является *относительным*. Ситуация по абсолютным значениям потенциала международного влияния России совсем другая. Тем не менее темпы развития России на фоне мира в целом и государств-лидеров, в особенности, сравнительно низкие. Яркий, хотя и ограниченный пример – изменение долей России и Китая в мировом ВВП (в постоянных долларах 2010 г.). В 1990 г. на Россию приходилось 3,7% ВВП мира, Китай отставал почти в полтора раза – 2,2%, в 1995 г. доля России снизилась до 2,1%, а Китай почти догнал Россию образца 1990 г. – 3,5% ВВП мира. В 2015 г. доля России увеличилась до 2,2%, а доля Китая почти утроилась – до 11,7%. При этом ВВП мира в постоянных долларах 2010 г. в 1990-2015 гг. почти удвоился (в текущих долларах – утроился). Таким образом, рост ресурсов международного влияния конкретного государства в абсолютных показателях может сочетаться с их относительным снижением в сравнении с динамикой других стран.

4. *Индекс качества жизни*

Качество жизни граждан – одна из важнейших характеристик человеческой среды, создаваемой государством, условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей населения. Оценка и сравнение качества жизни в разных странах мира предполагает учет комплекса социально-экономических, демографических и иных показателей, характеризующих особенности распределения доступных ресурсов в обществе. В свою очередь наличие и особенности распределения совокупных ресурсов характеризуют эффективность государства и государственных институтов, а также отчасти (хотя и не всегда) степень демократичности существующего политического режима (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

Индекс качества жизни (переменные)

Quality of Life Index (variables)

1. ВВП на душу населения	5. Смертность от передающихся болезней (на 100 тыс. населения)
2. Включенность населения в систему начального, среднего и высшего образования	6. Смертность от увечий (несчастных случаев, убийств, самоубийств и др. – на 100 тыс. населения)
3. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении	7. Расходы на здравоохранение на душу населения
4. Детская смертность до 1 года	

Качество жизни может оцениваться, в согласии с существующими практиками, либо по критериям его субъективного, индивидуального или коллективного, восприятия, либо по совокупности объективных параметров, имеющих статистическое выражение. В нашем случае используется второй подход – в соответствии с общим замыслом мы создаем композитный индекс с учетом тех параметров, которые влияют на качество жизни и отражают его состояние. Композиция индекса качества жизни в обоих "Атласах" практически идентична и опирается на общепризнанные источники. Однако эти источники используемых данных отчасти разные, что обусловлено уже отмечавшимися выше изменениями в расчетах и необходимостью поиска дополнительных информационных ресурсов[11].

Просчитанные нами в соответствии с указанными выше уточнениями рейтинги стран по качеству жизни (1995–2005–2015 гг.) подтверждают полученные ранее результаты, но демонстрируют и *определенную динамику*. Так, группа *стран-"счастливчиков"* почти не меняется, и если есть какая-то динамика, то обычно это *плавный повышательный тренд*: Австралия (9,1–9,7–10,0), Люксембург (8,6–9,6–10,0), Ирландия (8,1–9,4–10,0), Исландия (8,5–9,8–10,0), Австрия (8,7–9,4–9,9), Швейцария (8,5–9,4–9,8), Новая Зеландия (8,5–9,4–9,7), Норвегия (8,5–9,2–9,7), Финляндия (7,7–8,8–9,6) и др.

Состав *стран-"неудачников"*, увы, также преемственен: ЦАР (0,2–0,2–0,4), Южный Судан (данные только за 2015 г. – 1,3), Демократическая Республика Конго (0,5–0,8–1,6), Чад (0,9 – 1,2 – 1,7), Гвинея-Бисау (0,8–1,0–1,8), Бурунди (0,3–0,9–1,8), Мозамбик (0,3–0,9–1,8) и др.

В *России* в показателе качества жизни намечается очень медленный рост (5,0–5,3–6,5), хотя по мировым меркам это все же скорее *среднее положение*, немного выше показателей Эквадора и Бразилии. Позиции США по качеству жизни относительно стабильны и достаточно высоки (8,1–8,7–8,9).

На основе анализа этих рейтингов по трем временным точкам эмпирически подтверждается достаточно известное в литературе положение о *двусторонней зависимости* между уровнем жизни и характером политического режима (с учетом как иных особенностей государства, так и имеющихся у страны природных ресурсов). Согласно полученным нами данным, выделяется, прежде всего, группа "нефтяных автократий", которые за счет щедрой политики перераспределения сырьевых доходов способны поддерживать высокий уровень потребления коллективных благ в социально-экономической сфере, а также в здравоохранении и образовании (в том числе для получения лояльности со стороны населения).

[11] Мы используем прежде всего следующие источники: данные Всемирного банка ("*World Development Indicators*"), "Доклады о развитии человека" ПРООН, "Оценки смертности для государств-членов ВОЗ" и др.

Это, например, Бахрейн (7,9–8,7–9,4), Кувейт (8,7–8,9–9,3), Катар (8,6–8,6–9,3), ОАЕ (8,0–8,6–8,7), Оман (5,9–7,9–8,4), Саудовская Аравия (6,0–7,3–8,4).

Вместе с тем обращают на себя внимание недемократические государства, не обладающие значимыми нефтяными/газовыми ресурсами, но *за счет иных возможностей и стратегических решений* поддерживающие относительно высокие уровни качества жизни своих граждан, например, Китай (3,5–5,5–7,6), Беларусь (5,3–6,1–7,5) и др. Наконец, есть отдельные страны *демократического вектора развития*, которые в силу различных – исторических, геополитических и иных – причин не в состоянии обеспечить достаточные уровни качества жизни для своего населения. Показательный пример – Индия (1,6–2,4–3,5), но также и Монголия (2,5–3,7–5,3) или Молдова (3,7–4,5–5,7).

5. *Индекс институциональных основ демократии*

Как известно, существует множество концептуально и методологически различающихся индексов (и соответствующих рейтингов) демократии, в том числе *рейтинги политических прав и гражданских свобод* от "*Freedom House*", *индексы демократии и* автократии в проекте "*Polity-IV*", *"Democracy Index" от "Economist Intelligence Unit"*, "*Vanhanen's Democratization Index*", *Bartelsmann Transformation Index*, различные индексы проекта "*V-Dem*" и др.

В одних случаях широко используются экспертные оценки, в других приоритет отдается статистическим данным, часто оба подхода совмещаются. Имеющиеся подходы отличаются также в своей трактовке демократии, в том числе – в диапазоне от *минималистского* до *максималистского* ее понимания. В первом случае демократия тождественна самой процедуре выборов, во втором ей придаются еще и разнообразные социальные, политические, правовые и иные атрибуты, что по-прежнему вызывает серьезные дебаты.

Но даже если сводить минималистские условия измерения демократии к выборам, возникают многие вопросы. Как оценивать демократию "между выборами"? Как демократические по форме выборы могут приводить к власти автократов? Как выборы могут приводить к плебисцитарной легитимации авторитарного правления? Какие неформальные практики могут скрываться за формально демократическими выборами (и другими институтами)?

В предложенном нами индексе институциональных основ демократии (см. табл. 5) упор сделан на определении и сравнении *минимально необходимых* (но, разумеется, недостаточных) условий формирования и развития демократических институтов, практик и процедур. Это традиции и состояние конкурентных политических практик, ограничения исполнительной власти и др.

В "Атласе 2.0" используется большинство переменных, отвечающих обозначенным выше критериям и апробированных в первом проекте, за исключением нескольких новаций, связанных главным образом с иной операционализацией используемых параметров. Во-первых, были включены переменные "Наличие убийств по политическим мотивам" и "Наличие двух и более прецедентов мирных переходов власти к оппозиции (с 1945 г.)". Первая переменная указывает на использование акторами политически мотивированных убийств, т.е. физического устранения оппонентов, как средства для удержания или смены власти (такая практика решительно противоречит любому современному пониманию демократического правления как "игры по правилам"). Вторая – указывает как раз на наличие опыта "игры по правилам", когда к власти мирным способом приходит оппозиция и проигравшая сторона принимает этот факт и "смиряется" до следующих выборов, отказываясь от неинституциональных средств борьбы за власть.

Таблица 5 (Table 5)

Индекс институциональных основ демократии (переменные)

Index of Institutional Basis of Democracy (Variables)

1. Влияние парламента на формирование правительства	5. Доля женщин в нижней палате парламента	8. Длительность демократической традиции после Первой мировой войны (с 1918 г.)
2. Характер (уровень) парламентской конкуренции	6. Нахождение во главе исполнительной власти более двух сроков подряд	9. Отсутствие или подрыв конкуренции при формировании исполнительной власти
3. Характер (уровень) конкуренции при формировании исполнительной власти	7. Нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации и др. с 1974 г.)	10. Наличие двух и более прецедентов мирных переходов власти к оппозиции (с 1945 г.)
4. Включенность граждан в избирательный процесс		11. Наличие убийств по политическим мотивам

Во-вторых, была исключена бинарная переменная "Непрерывность демократической традиции после Первой мировой войны", а переменная "Длительность демократической традиции после Первой мировой (с 1918 г.)" рассчитывалась по иной логике. Данный показатель обозначает период, на протяжении которого регулярно проводились минимально конкурентные выборы (с результатом не более 80% для победителя парламентских или президентских выборов). Для новых государств – с первых после независимости выборов. Гражданские войны, перевороты и др., препятствующие волеизъявлению избирателей, трактуются как нарушения регулярности традиции. В случае проведения первых минимально конкурентных выборов в год оценки (1995-2005-2015 гг.) в качестве длительности указывался один год. Соответственно, при расчете показателя в числителе значился "возраст" демократической традиции, а в знаменателе – максимальное возможное значение, начиная от с 1918 г. (для 1995 г. – это 77 лет, для 2005 г. – 87 лет, для 2015 г. – 97 лет).

В-третьих, переменная "Нарушения конституционного порядка (неконституционные смены власти, перевороты или их попытки, гражданские войны, оккупации и др.)" была преобразована из бинарной в порядковую для обозначения "регулярности" нарушений (т.е. теперь это величина, обратная числу нарушений конституционного порядка).

База данных в целом составлялась с использованием в основном тех же источников информации, что и в "Атласе 1.0"[12].

Сравнение рейтингов стран за 1995-2005-2015 гг. демонстрирует, во-первых, *очевидных лидеров* в части институциональных демократических традиций и практик: Дания (9,0–9,1–10,0), Швеция (9,4–9,3–9,8), Финляндия (8,9–9,4–9,4), Норвегия (9,0–8,9–9,1), Бельгия (7,8–8,7–9,0), Новая Зеландия (8,6–9,0–8,9), Нидерланды (8,0–8,7–8,9) и др. Обратим внимание на то обстоятельство, что эти данные свидетельствуют о примечательной стабильности позиций стран-лидеров, что может объясняться неукоснительным соблюдением устойчивых конституционных, а также иных институциональных правил и практик как *de jure*, так и *de facto*.

[12] Это прежде всего данные Межпарламентского союза (конкретно – база данных "*Parline*") и неправительственной организации "*IFES*", а также данные Всемирного банка, национальные конституции, источники и данные авторитетного проекта "*V-Dem*" и др.

Индия по этому индексу занимает относительно высокие позиции (6,4–7,1–6,9). *Россия* стабильно ниже (4,7–5,1–4,8).

Примеры автократий тоже вполне предсказуемы: Саудовская Аравия (0,3–0,2–0,6), Катар (0,8–1,1–0,8), Сомали (0,7–0,2–0,8), Судан (0–0,1–1,1), Оман (0,7–1,3–1,1), КНР (1,5–1,1–1,5).

Нужно обратить внимание, что речь идет именно об институциональных основаниях демократии, а *не об оценке ее реального состояния* в конкретной стране в конкретный момент. Этим объясняются в целом все же незначительные расхождения между результатами применения нашего индекса в сравнении с *индексами "Freedom House", "Polity", "V-Dem"* и др. Кроме того, временные ограничители наших данных (2015 г.) не позволяют отследить некоторые нынешние антидемократические тренды в целом ряде стран мира. Это – наша очень важная задача на будущее.

* * *

Подведем промежуточные итоги. Мы могли убедиться, что использование наших оригинальных и модифицированных индексов и построенных на их основе рейтингов дает существенные аналитические результаты, раскрывающие различные измерения мировой политической реальности, а также положение стран в многомерной мировой структуре и в известной мере существующие и эволюционирующие взаимосвязи между этими мировыми измерениями. В этом смысле индексы – это своего рода важные координаты, дающие возможность определять положение государств в мировой системе. Это *важные аналитические инструменты*, позволяющие измерять и оценивать состояние и динамику различных государств мира.

Сравнение полученных данных по временным отрезкам 1995-2005-2015 гг. позволяет выявить значительную *устойчивость* в позициях стран по базовым параметрам их государственности, внешних и внутренних угроз, международному влиянию, качеству жизни и демократическому потенциалу. В целом это подтверждает основные выводы "Атласа 1.0", но одновременно и раскрывает *элементы динамики* в характеристиках и положении государств. Так, анализ новых данных по временным рядам в "Атласе 2.0" подтверждает значительную преемственность в характеристиках стран наиболее высоких и наиболее низких уровней государственности, но также и примеры как восходящей, так и нисходящей динамики, связанной с изменением внешнего контекста и внутренних обстоятельств. (Постепенное *укрепление государственности России* – характерный тому пример.)

Не менее примечателен вывод об отсутствии однозначной зависимости между государственностью и типами политических режимов. При достаточной стабильности уровней внешних и внутренних угроз мы обнаруживаем и некоторую динамику – например, частичное снижение угроз для России за два десятилетия. Анализ потенциала международного влияния показывает, что при сохранении обладающей им ограниченной группы стран внутри этого узкого "клуба" все же прослеживаются некоторые изменения – например, резкое *возвышение Китая*. Динамика стран по индексу качества жизни, где она прослеживается, очень плавная, что неудивительно, имея в виду во многом инерционный характер его показателей. Наконец, значительная преемственность показателей стран по индексу институциональных основ демократии за прошедшие два десятилетия в значительной мере объясняется его сфокусированностью на достаточно

устойчивые конституционные и институциональные факторы, дополняющей методологические подходы иных распространенных индексов демократии.

Нужно сказать, что рейтинги сами по себе не являются для нас самоцелью. В конечном счете *любой рейтинг условен*, хотя может использоваться в качестве полезного аналитического инструмента. Грань эта очень тонкая, особенно в условиях характерной для сегодняшнего мира "рейтингомании". Поэтому помимо индексов и рейтингов целесообразно обратиться к многомерным методам статистического анализа, прежде всего, к методу главных компонент.

МНОГОМЕРНЫЙ СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ СТРУКТУРЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: МЕТОД ГЛАВНЫХ КОМПОНЕНТ

От классификации и анализа стран по пяти рейтингам мы переходим к использованию метода главных компонент (МГК), чтобы избавиться от части "статистического шума" и установить такие комбинации показателей индексов, которые отражают существенные внутренние стороны ("компоненты") изучаемых объектов, выражающие сходства или различия рассматриваемых стран. В определенном смысле каждая выявляемая ГК – это специфическая латентная проекция мировой политической реальности, раскрывающая в избранном ракурсе наибольшие сходства и различия между странами.

Напомним, что по данным "Атласа 1.0" основные результаты на этом направлении сводились к выявлению четырех ГК, которые в разной пропорции объясняли дисперсию значений наших пяти индексов. В содержательном отношении эти ГК раскрывают следующие основные измерения (и одновременно дилеммы) мировой реальности: *во-первых*, выбор приоритета противодействия внешним и внутренним угрозам за счет качества жизни; *во-вторых*, это дилемма: крепкая и успешная государственность *vs* демократическое развитие; *в-третьих*, приоритет государства и государственности в ущерб качеству жизни; *в-четвертых*, фактор максимизации международного влияния (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Проценты объяснения ГК в двух проектах

Percentage of Explanations by Principal Components in Two Projects

Главные компоненты	В "Атласе 2.0"		В "Атласе 1.0"	
	№ ГК	% объяснения	№ ГК	% объяснения
"Внешние и внутренние угрозы" vs "качество жизни"	1	57,2	1	55,4
"Потенциал международного влияния"	2	19,0	4	7,0
"Государственность" vs "институциональные основы демократии"	3	10,8	2	26,4
"Государственность" vs "качество жизни"	4	6,9	3	11,2

Полученные данные говорят о том, что от успешности противодействия внешним и внутренним угрозам зависит качество жизни населения большинства (свыше половины) всех государств мира (а для значительной части, четверти, само их существование). Реальный выбор сводится к предпочтению либо независимой и успешной государственности, либо демократических институтов и практик, пусть и в ущерб первому. Перед каждым десятым государством стоит дилемма: крепкая государственность или качество жизни. И наконец, лишь меньшинство государств может претендовать на реальное влияние в мире. Такова картина структуры мировой политики по ситуации на 2005 г.

Как уже отмечалось во Введении, использование, как в случае "Атласа 1.0", метода дискриминантного анализа (на основе подбора так называемых "обучающих выборок" стран, в наибольшей и наименьшей степени отвечающих критериям конкретного рейтинга) применительно к изучению страновой динамики не является оптимальным. Поэтому в "Атласе 2.0" было решено обратиться к вариантам факторного анализа, чтобы оценить динамику и, одновременно, проверить полученные ранее результаты[13].

Первый полученный нами очень важный вывод говорит о том, что использованные при анализе "статики" и "динамики" различные методы (дискриминантный – 2005 г. и факторный – 1995–2005–2015 гг.) дают *стабильные и воспроизводимые результаты*. Иными словами, фундаментальная структура мировой политики, выявленная в "Атласе 1.0", подтверждается и в "Атласе 2.0". Речь идет, прежде всего, о базовых ГК, хотя и с некоторыми нюансами в их объяснительном потенциале.

О чем говорят эти данные? Во-первых, они дают возможность оценить в порядке убывания процент *сходств и различий* между странами с учетом определенных сочетаний индексов. При этом первая ГК является наиболее значимой, она объясняет особенности более чем половины стран мира. Вторая ГК объясняет почти каждую пятую страну. Третья ГК добавляет каждую десятую, а в совокупности эти три ГК объясняют абсолютное большинство стран мира – 87%. С точки зрения метода главных компонент – это более чем достаточно для построения аналитической модели изучаемых объектов.

Во-вторых, некоторые различия в процентах объяснений каждой ГК в обоих проектах объясняются *включением динамического компонента* (1995–2005–2015 гг.) в "Атлас 2.0". В наибольшей степени это заметно по ГК-2, отражающей рост "потенциала международного влияния" – с 7% до 19%. Это может объясняться в том числе реальным обострением международной напряженности к 2015 г. и соперничеством государств и групп государств в мировой политике. Заметим также, что, согласно используемому методу, главные компоненты с незначительной объяснительной способностью трактуются как статистический шум и обычно не учитываются в дальнейшем анализе. Исключение было сделано – и вполне обоснованно – в отношении ГК "потенциал международного влияния" в "Атласе 1.0" из-за того, что объясняемые ею страны, принадлежащие к узкому "клубу", являются ключевыми для понимания распределения реальной мощи и влияния в мировой политике. Применительно же к "Атласу 2.0" ГК "государственность" *vs* "качество жизни" (6,9% объяснения) была исключена из дальнейшего анализа – отчасти и потому, что объясняемые ею страны не принадлежат к ключевым игрокам в определении структуры взаимоотношений между государствами в современном мире.

Таким образом, в "Атласе 2.0" мы в дальнейшем анализе фокусируемся на первых трех из указанных в табл. 6 ГК. И, как отмечалось выше, полученные нами результаты говорят о значительной *стабильности* базовых параметров мировой структуры, но в то же время выявляются и *элементы динамики*.

Рассмотрим теперь содержание главных компонент проекта "Атлас 2.0" подробнее. ГК-1 противопоставляет "внешние и внутренние угрозы" и "качество жизни" и представляет собой *проекцию национального выживания и его качества* (как и в "Атласе 1.0"). Это важнейшее измерение современ-

[13] Расчет значений главных компонент был произведен А.С. Ахременко.

ного мира, в котором более половины всех стран сталкиваются с широким спектром разнообразных угроз для их существования и вынуждены искать различные способы выживания, противодействия угрозам, жертвуя при этом многим – прежде всего, качеством жизни, но часто также и собственной государственностью, и перспективами демократического развития. У этих стран нет сколько-нибудь существенного потенциала международного влияния, они лишь объекты чужих интересов и воздействий.

ГК-2 отражает "потенциал международного влияния" и, как и в "Атласе 1.0", у нее нет "противополюса". Это измерение мировой структуры фиксирует *особый "клуб"* в составе небольшого числа государств, которые обладают ресурсами и возможностями оказывать реальное влияние на глобальном уровне, если угодно – форматировать современную мировую реальность. Все другие страны, пусть и хотели бы войти в этот привилегированный "клуб", в той или иной степени являются объектами чужих воздействий и усилий. Они очень разные страны – и по уровню своего развития, и по суверенной государственности и государственной состоятельности, и по уровню жизни и по режимным характеристикам; все они так или иначе участвуют в мировой политике, пытаются отстаивать свои интересы, но глобальная роль этих "других стран" незначительна.

Наконец, третья учитываемая в "Атласе 2.0" главная компонента (ГК-3) противопоставляет "государственность" и "институциональные основы демократии". По сравнению с "Атласом 1.0" ее объяснительный потенциал относительно ниже – 11% (а не 26%). Напомним, что некоторое изменение процента объяснения связано с учетом *динамики индексов* в течение двух десятилетий. Эта ГК имеет значение для объяснения лишь одной из десяти стран, которые стоят перед жизненной дилеммой – либо, при прочих равных условиях, приоритет относительно крепкой государственности, независимо от качества жизни и уровня демократического потенциала, либо развитие демократических институтов и процедур, даже жертвуя суверенной государственностью. В итоге – на одном полюсе этой компоненты – автократии с состоятельной государственностью, а на другом – страны демократического выбора, но с проблемной (т.е. невысокого уровня) государственностью.

В соответствии с разработанной в "Атласе 1.0" исследовательской логикой мы стремимся выявить особенности и динамику современной многомерной мировой структуры, рассматривая ее в *двухмерных плоскостях* наших ГК. Веса индексов в пространстве наиболее значимых ГК-1 (внешние и внутренние угрозы – качество жизни) и ГК-2 (потенциал международного влияния) выглядят следующим образом (см. рис. 1; примеры стран см. на рис. 2)[14].

По горизонтали (ГК-1) на одном полюсе мы видим примеры стран, живущих в стрессе и под постоянным давлением угроз, на другом – страны, добившиеся высокого качества жизни (не исключая притом успешной государственности и потенциала демократического развития). Строго говоря, фактор угроз противостоит не только качеству жизни, но также государственности и институциональному потенциалу демократии. По вертикали (ГК-2) выделяется лишь одна небольшая группа стран, обладающих реальной национальной мощью и потенциалом международного влияния (прежде всего США, Китай, Россия, но также Индия, Германия, Великобритания и Франция).

[14] Благодарим Н.В. Винника за помощь в подготовке рисунков к печати.

Рисунок 1 (Figure 1)

Диаграмма факторных нагрузок ГК-1 и ГК-2

Factor Loadings Diagram (Principal Components 1 and 2)

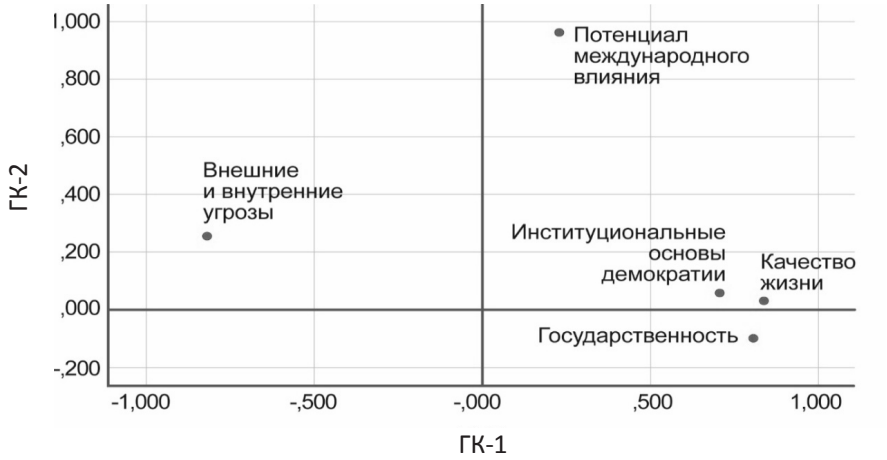
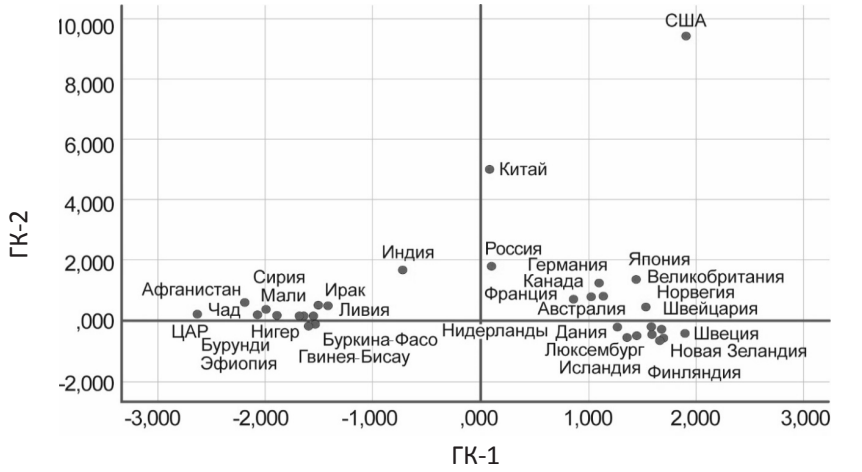


Рисунок 2 (Figure 2)

Примеры стран в пространстве ГК-1 и ГК-2

Examples of Countries in Space of Principal Components 1 and 2



Из рис. 2 также видно, что страны с высоким потенциалом международного влияния различаются по степени стоящих перед ними внешних и внутренних угроз, но в целом принадлежат к сегменту относительной безопасности. Это же можно сказать и о диапазоне качества жизни, государственности и институциональных основ демократии среди "влиятельных стран". Россия и Китай в определенной степени отличаются от других членов этого узкого "клуба" по всем вышеперечисленным параметрам.

Некоторые выводы и перспективы

Представленное читательскому вниманию, пусть и в сокращенном виде, исследование "Атлас 2.0" ("*Revisited*") позволяет сделать ряд выводов существенных, на наш взгляд, для понимания общей динамики внутренней структуры и различ-

ных измерений мировой политики и положения в ней отдельных стран и групп стран. В отличие от "Атласа 1.0", это не "моментальный снимок" расположения государств в различных мировых координатах, а попытка раскрыть *динамическую картину современной мировой реальности*, включающую как *элементы преемственности и стабильности*, так и *меняющиеся траектории развития*.

Суверенные (пусть в иных случаях и формально) государства-члены ООН остаются ключевыми элементами современной мировой структуры, даже при растущей роли негосударственных и межгосударственных образований. Пять предложенных нами и используемых в анализе комплексных индексов позволяют описать важные измерения этой структуры. Полученные нами результаты демонстрируют примечательную и воспроизводящуюся *преемственность* структуры взаимосвязей между государствами современного мира, что особенно важно с учетом определенных различий в используемых методах анализа. Проведенный анализ подтверждает также множественность несовпадающих измерений мировой структуры, которые в разных соотношениях характеризуют важные стороны существования и взаимоотношений между современными государствами, отличающимися по степени их государственности, качеству жизни, уровню внешних и внутренних угроз, потенциалу международного влияния и институциональным основам демократии. Вместе с тем, исследованные в проекте "Атлас 2.0" временные ряды вскрывают и существенные элементы общей мировой *динамики*, а также *перемены* в позициях отдельных, в том числе наиболее влиятельных стран мира, – по всем рассматриваемым проекциям.

Исходя из этого можно наметить целый ряд важных перспектив для дальнейших исследований. Во-первых, возможность модификации, коррекции и добавления в исследование новых аналитических измерений современной мировой структуры, в том числе в части предложенных индексов. Речь может идти как об использовании постоянно появляющихся новых *эмпирических данных*, так и о *концептуальных новациях*, отвечающих современному состоянию научных исследований. Во-вторых, в части концептуализации возможно изменение и *масштаба анализа*, в том числе включение не только глобального, но и региональных измерений взаимосвязей и взаимоотношений стран и групп стран, включая негосударственных акторов. В-третьих, представляется весьма продуктивным изучение возможностей (и результатов) использования новых *исследовательских методов*, включая сетевые подходы.

Проект продолжается...

DOI: 10.17976/jpps/2020.06.04

"POLITICAL ATLAS OF THE MODERN WORLD" REVISITED

A.Yu. Melville[1] , M.G. Mironyuk[1]

[1]*National Research University Higher School of Economics. Moscow, Russia*

MELVILLE, Andrey Yuryevich, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Academic Supervisor and Dean, Faculty of Social Science, National Research University Higher School of Economics, Distinguished Scholar of Russia, email: amelville@hse.ru; **MIRONYUK, Mikhail Grigorievich,** Cand. Sci. (Pol. Sci). Associate Professor, First Deputy Dean, Faculty of Social Sciences, National Research University Higher School of Economics, email: mmironyuk@hse.ru

Melville A.Yu., Mironyuk M.G. "Political Atlas of the Modern World" Revisited. – Polis. Political Studies. 2020. No. 6. P. 41-61. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2020.06.04

Received: 15.08.2020. Accepted: 03.09.2020

Abstract. In this article, we present the results of the development of the "Political Atlas of the Modern World" ("Atlas 1.0") project. "Atlas-1.0" was implemented more than ten years ago by scholars of the MGIMO

University with the support of the Institute of Public Projects and the "Expert" magazine. Development of five complex indices – of stateness, external and internal threats, the potential of international influence, the quality of life and the institutional foundations of democracy – was one of the major results of the "Atlas-1.0" project. The method of discriminant analysis was used to calculate the ratings of 191 UN member states (as well as Taiwan) as of 2005. The results obtained, reflecting various aspects of the existence of modern states, were compressed into four principal components. The four of them in the complex were interpreted as an analytical model of the modern world structure. In the project implemented ten years later at the Higher School of Economics with the support of a grant from the Russian Science Foundation ("Atlas 2.0"), the results obtained in the earlier atlas were tested for durability, corrections were made for the emergence of new UN member states, the components of the indices were refined, new statistical databases were used and advanced methods of multivariate statistical analysis were employed. The performed operations fit into the tradition of "revisited" which is part of the modern social sciences. A number of meaningful conclusions about the dynamics of the world structure have been made. The results obtained (configurations of the principal components) indicate the significant stability of the basic parameters of the world structure. At the same time, important elements of dynamics have also been revealed.

Keywords: state, world politics, multivariate statistical analysis, index, rating, principal components.

References

Aleskerov F., Shvydun S. 2019. Stability and Similarity in Networks Based on Topology and Nodes Importance. – *Complex Networks and Their Applications VII. COMPLEX NETWORKS 2018. Studies in Computational Intelligence.* Ed. by Aiello L., Cherifi C., Cherifi H., Lambiotte R., Lió P., Rocha L. Vol. 812. Cham: Springer. P. 94-103. https://doi.org/10.1007/978-3-030-05411-3_8.

Aleskerov F., Gavrilenkova I., Shvydun S., Yakuba V. 2020. Power Distribution in the Networks of Terrorist Groups: 2001-2016. – *Group Decision and Negotiation*. Vol. 29. No. 3. P. 399-424. https://doi.org/10.1007/s10726-020-09674-2

Almond G., Verba S. 1963. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations.* Princeton, NJ.: Princeton University Press.

Melville A., Akhremenko A., Mironyuk M. 2019. What Russia Can Teach Us about Power and Influence in World Politics. – *Russian Politics.* Vol. 4. No. 2. P. 137-167. https://doi.org/10.1163/2451-8921-00402001.

Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States. 2011. Ed. by A. Melville et al. Malden, MA: Wiley-Blackwell. 256 p.

Shvydun S. 2019. Influence of Countries in the Global Arms Transfers Network: 1950–2018. – *Complex Networks and Their Applications VIII. COMPLEX NETWORKS 2019. Studies in Computational Intelligence.* Ed. by H. Cherifi, S. Gaito, J. Mendes, E. Moro, L. Rocha. Vol. 882. Cham: Springer. P. 736-748. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36683-4_59

The Civic Culture Revisited: An Analytic Study. 1980. Ed. by G. Almond, S. Verba. Boston: Little, Brown. 421 p.

Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. 2019a. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? Theoretical and Methodological Foundations. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02

Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. 2019b. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 49-68. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04

Akhremenko A.S., Mironyuk M.G. 2019. Dynamics of the Potential of Influence of States (Based on the Materials of the Project "Political Atlas of the Modern World". – *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. No. 1. P. 39-59. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S086904990003941-7

Akhremenko A.S., Myachin A.L. 2019. Pattern Analysis and Clustering in the Study of State Capacity: "Adaptive Optics" for Political Science. – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 112-139. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.05

Gorel'skii I.E., Mironyuk M.G. 2019. Climbing the Status Ladder: An Experiment in Empirical Research of Relation between Status – *Political Science (RU)*. No. 3. P. 140-174. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06

Melville A.Yu. 2006. "Political Atlas of Modern Time": Conception and General Theoretical and Methodological Outline of the Project. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 6-14. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.02

Melville A.Yu. 2018. Power and Influence of Modern States within the Changing World Order: Some Theoretical and Methodological Aspects. – *Political Science (RU)*. No. 1, P. 173-200. (In Russ.) https://doi.org/10.31249/poln/2018.02.00

Mironyuk M., Toloknev K., Maltsev A. 2018. Not so Obsolete Military. Power in World Politics to Wage War, to Avoid War and (or) to Gain Recognition? – *International Trends*. Vol. 16. No. 2. P. 26-48. (In Russ.) https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2

"Political Atlas of the Modern World": Experience in Multidimensional Statistical Analysis of Political Systems of Modern States (head of the team of authors Melville A.Yu.). 2007. Moscow: Publishing house "MGIMO-University". 272 p. (In Russ.)

Zheglov S.A., Polunin Yu.A. 2019. The Potential of International Influence: Experience of Discriminant Analysis (on the Materials of the "Political Atlas of the Modern World"). – *Political Science (RU)*. No. 2. P. 76-111. (In Russ.) https://www.doi.org/10.31249/poln/2019.03.04

Литература на русском языке

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. 2019а. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 8-23. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02

Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. 2019б. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Опыт эмпирического исследования. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 49-68. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.03.04

Ахременко А.С., Миронюк М.Г. 2019. Динамика потенциалов международного влияния государств (по материалам проекта "Политический атлас современности"). – *Общественные науки и современность*. № 1. С. 39-59. https://doi.org/10.31857/S086904990003941-7

Ахременко А.С., Мячин А.Л. 2019. Паттерн-анализ и кластеризация в исследовании государственной состоятельности: "Адаптивная оптика" для политической науки. – *Политическая наука*. № 3. С. 112-139. https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.05

Горельский И.Е., Миронюк М.Г. 2019. Взбираясь по "статусной лестнице": Опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности. – *Политическая наука*. № 3. С. 140-174. https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.06

Жеглов С.А., Полунин Ю.А. 2019. О "тектонических сдвигах" (или их отсутствии?) драйверов международной мощи и влияния: Опыт дискриминантного анализа. – *Политическая наука*. № 3. С. 76-111. https://doi.org/10.31249/poln/2019.03.04

Мельвиль А.Ю. 2006. "Политический атлас современности": замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 6-14. https://doi.org/10.17976/jpps/2006.05.02.02

Мельвиль А.Ю. 2018. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты. – *Политическая наука*. № 1. С. 173-200. https://doi.org/10.31249/poln/2018.02.00

Миронюк М.Г., Толокнев К.А., Мальцев А.М. 2018. Военная мощь в мировой политике: для победы в войне, для предотвращения войны и (или) для обретения статуса? – *Международные процессы*. Т. 16. № 2. С. 26-48. https://doi.org/10.17994/IT.2018.16.2.53.2

Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств (руководитель авторского коллектива Мельвиль А.Ю.). 2007. М.: Издательство "МГИМО-Университет". 272 с.